

Agapov, Aleksandr

Франц Кафка и Венедикт Ерофеев: пример (не)прочтения

Opera Slavica. 2024, vol. 34, iss. 2, pp. 37-46

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2024-2-6>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.81656>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 07. 03. 2025

Version: 20250223

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Франц Кафка и Венедикт Ерофеев: пример (не)прочтения

Franz Kafka and Venedikt Erofeev: the Case of (Un)Reading

Александр Агапов

(Брно, Чехия)

Абстракт:

В статье идет речь о Венедикте Ерофееве как читателе Франца Кафки. Ерофеев познакомился с творчеством Кафки в 1967 году, прочтя вышедшее двумя годами ранее однотомное собрание сочинений. Все, что нам известно о читательских предпочтениях Ерофеева, говорит о том, что Кафка должен был его заинтересовать, однако этого, по всей видимости, не произошло: Кафка оставил Ерофеева более или менее равнодушным. Возможно, это было связано с тем, что Ерофеев, при всем интересе к модернистской литературе, с предубеждением относился к авторам, модным среди советской интеллигенции, — в качестве примера можно привести крайне негативное отношение Ерофеева к «Мастеру и Маргарите». Если же говорить о возможном влиянии, например, на финал «Москвы — Петушков», то, скорее всего, оно ограничилось одним заимствованием из новеллы «Охотник Гракх». Тем не менее история (не)прочтения Ерофеевым Кафки служит интересным примером рецепции Кафки и вообще литературы европейского модернизма в Советском Союзе в 1960-е годы.

Ключевые слова:

Венедикт Ерофеев; Франц Кафка; советский андерграунд; 60-е годы; рецепция Кафки в Советском Союзе

Abstract:

The paper deals with Venedikt Erofeev as a reader of Franz Kafka. Erofeev became acquainted with Kafka's work in 1967, when he read Kafka's one-volume collection of works published two years earlier. Everything we know about Erofeev's reading preferences suggests that Kafka should have interested him, but this apparently did not happen: Kafka left Erofeev indifferent. Perhaps this was due to the fact that Erofeev, for all his interest in modernist literature, was prejudiced against authors fashionable among the Soviet *intelligentsia*—as an example, we can mention Erofeev's extremely negative attitude to *The Master and Margarita*. If we talk about possible influence, for example, on the finale of *Moscow—Petushki*, then it was probably limited to a single borrowing from the short story "The Hunter Gracchus". Nevertheless, the case of Erofeev's (un)reading of Kafka serves as an interesting example of the reception of Kafka and European modernist literature in general in the Soviet Union in the 1960s.

Key words:

Venedikt Erofeev; Franz Kafka; Soviet underground; 1960s, reception of Kafka in the Soviet Union

Читал ли Ерофеев Кафку? И если да, то повлияло ли это чтение на Ерофеева, например, в финале «Москвы — Петушков», в котором как будто бы можно найти некоторое сходство с финалом «Процесса»?¹ Эта статья — не только попытка ответить на первый — на самом деле, достаточно простой — и второй — на который едва ли можно ответить однозначно, — вопросы, но, в гораздо большей степени, попытка реконструировать восприятие Ерофеевым Кафки в 60-е годы и позже или, иными словами, попытка понять, как и почему Кафка был Ерофеевым (не) прочитан.

Нельзя не упомянуть о том, что есть как минимум два независимых друг от друга свидетельства о, вероятно, одном и том же эпизоде, когда Ерофеев влияние Кафки на себя (или даже сам факт чтения) отрицает. Речь о поездке Ерофеева в Ленинград в январе 1975 года. В один из дней Ерофеев встречается с рядом ленинградских неофициальных или полуофициальных писателей — Кушнером, Кузьминским, Битовым и другими. Об этом дне сохранилось, по крайней мере, два коротких мемуара, и в обоих упоминается Кафка.²

- 1 См., например, подробнейший разбор сходства между двумя текстами: BROJTMAN, S., PAVLOVA, N.: Final romana Ven. Jerofejeva «Moskva — Petuški» (k probleme: V. Jerofejev i F. Kafka). In: *Analiz odnogo proizvedenija: «Moskva — Petuški» Ven. Jerofejeva*. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001, s. 104–112.
- 2 Тот факт, что речь идет об одном и том же дне, подтверждают ерофеевские дневники — во время своего визита в Ленинград в 1975 году Ерофеев встречался с Кузьминским, Кушнером и остальными лишь однажды.

Первое воспоминание — это эмоциональная реплика Константина Кузьминского, которую приводит Валерий Берлин: «Приезжает Веничка. Сел. Высокий, седой, с невероятной синевы глазами. Сидит так мрачно и рассказывает: „Просыпаюсь я как-то с дикого бодуна, с похмельюги. А вокруг меня сидят какие-то девочки из Тартуского университета. И эти девочки спрашивают меня: а вот концовка „Москва — Петушки“ у вас не Кафкой навеяна? А я этого е...го Кафку и в глаза не читал!“»³

Второе — воспоминание Андрея Битова: «Виделись мы с ним всего несколько раз. Впервые в Ленинграде, у Кушнера. Венедикт очень чинно там сидел. Вышли мы вместе, какие-то насупленные. Я ему сказал, что поэма — это гениально, но шило в горле в финале „Петушков“ мне не кажется убедительным и напоминает Кафку. Он очень рассердился и ответил, что я ничего не понимаю».⁴

Сейчас вряд ли можно выяснить точно, что тогда говорил Ерофеев, но сам факт разговора о Кафке и «Москве — Петушках» и отрицание Ерофеевым какого-либо влияния кажется весьма вероятным. Оба мемуариста, скорее всего, вспоминают один и тот же эпизод — слишком уж похожи два разных воспоминания. И любопытно, что оба мемуара передают достаточно агрессивную реакцию Ерофеева на вопрос о Кафке — вопрос Ерофеева явно раздражал.

На самом деле Ерофеев Кафку читал — об этом совершенно однозначно свидетельствуют его записные книжки. Судя по записям в одной из них, Кафка был прочитан Ерофеевым в феврале 1967 года, и это был, разумеется, изданный в 1965 году знаменитый «черный» том, включавший в себя «Процесс» и несколько десятков рассказов, — первая и единственная крупная публикация текстов Кафки в Советском Союзе.⁵ 18–19 февраля Ерофеев читает «Процесс» и делает несколько выписок оттуда.⁶ В следующие несколько дней он переходит к чтению рассказов и делает выписки как минимум из девяти: «Отчет для Академии», «Дети на дороге», «Разоблаченный проходимец», «Певница Жозефина, или Мышиный народ», «Охотник Гракх», «Мост», «Как строилась

3 BERLIN, V.: Venedikt Jerofejev i «Voprosy leninizma». *Novaja gazeta*, 2010, № 118 (22 oktjabrja), s. 5.

4 BITOV, A.: [Vospominanija o Venedikte Jerofejeve]. In: ALCHAZOVA, M. (red.-sost.): *Pro Veničku*. Moskva: Probel, 2008, s. 287.

5 KAFKA, F.: *Roman, novelly, pritči*. Moskva: Progress, 1965. Текст записной книжки опубликован в: JEROFEJEV, V.: *Zapisnyje knižki 1960-ch godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005.

6 JEROFEJEV, V.: *Zapisnyje knižki 1960-ch godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005. s. 547.

китайская стена», «Гигантский крот» и «Нора».⁷ На этом знакомство Ерофеева с Кафкой заканчивается.

Последний рассказ, кажется, вызвал у Ерофеева наибольший интерес — его название выделено двумя восклицательными знаками: «!,Нора“!». Но шестисотстраничный том был прочитан Ерофеевым за несколько дней — вряд ли слишком внимательно, особенно если учесть, что, судя по тем же записным книжкам, чтение Кафки перемежалось с чтением других авторов.⁸ В целом Кафка как будто бы не произвел на Ерофеева особого впечатления. И это, пожалуй, странно: судя по тому, что мы знаем о Ерофееве, Кафка должен был его, безусловно, заинтересовать.

Чтобы понять и эту странность, и то, почему Кафка должен был оказаться Ерофееву близок, нужно обратиться к проблеме читательских практик Ерофеева в 60-е годы — вопрос чрезвычайно интересный и, после публикации тома записных книжек 60-х годов, невероятно перспективный, но, увы, до сих пор практически не исследованный.⁹ Ерофеев читал много и хаотично — чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на список авторов, которых он читал одновременно с Кафкой, — тем не менее некоторые закономерности можно проследить.

Во-первых, в 60-е годы Ерофеев читает почти исключительно литературу, легально изданную в Советском Союзе — о сам- и тамиздате, которые будут составлять значительную долю ерофеевского чтения позже, в 70-е и 80-е годы,

7 Ibidem, s. 547–548.

8 См. соответствующую запись в записной книжке (сделанную, вероятно, спустя некоторое время, как это часто бывало у Ерофеева): «Деловая безмятежность: Еврипид, Архангельский, Кафка, Фома Аквинский, Стравинский, Жуковский» (ibidem). Факт чтения как минимум Еврипида, Архангельского (речь о пародисте А. Г. Архангельском) и Жуковского подтверждается соответствующими выписками в записной книжке. Под Стравинским, возможно, имеется в виду глава «И. Ф. Стравинский и музыкальный модернизм» в третьем томе «Истории русской музыки» Ю. В. Келдыша, из которой Ерофеев делает множество выписок (ibidem, s. 553–556), а возможно, просто музыка Стравинского. Что именно подразумевается под Фомой Аквинским, мы сказать затрудняемся — возможно здесь имеет место ошибка публикатора при расшифровке текста (о недостатках издания см.: BOGOMOLOV, N.: Venedikt Jerofejev i jeho komentator. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2006, № 6 (82), s. 445–447).

9 Среди немногих публикаций, хоть как-то затрагивающих эту тему, можно назвать беседу, посвященную републикации одной из ерофеевских записных книжек: BANDUROVSKIJ, K., LEKMANOV, O., MURAV'JEV, A., OJNAS, Je., SIMANOVSKIJ, I., JAMPOL'SKAJA, A.: Čto čital i čto ne čital Venedikt Jerofejev, a takže o scholastike, ěkzistencializme i proč. In: LEKMANOV, O., SIMANOVSKIJ, I. (sost.): *Venedikt Jerofejev. Kolonna i ne tol'ko: sbornik statej i publikacij*. Kolonna: izdatel'skaja programma muzeja-rezidencii «Artkommunalka. Jerofejev i Drugije», 2023, s. 263–285. Также см. посвященную этому сборнику и развивающую затронутые в нем темы серию публикаций в Телеграм-канале «Слова и буквы»: <https://t.me/wordsandletters/206>. [online]. [cit. 06.10.2024].

речи пока не идет.¹⁰ Во-вторых, Ерофеев склонен читать свежие, только недавно вышедшие книги. Так, например, в том же 1967 году, в котором Ерофеев читает Кафку, им были прочитаны «Трава забвения» Валентина Катаева (опубликована в 1967 году), биография Гарсии Лорки в серии ЖЗЛ (1967), биография Эрнеста Хемингуэя, написанная З. И. Маянц (1966), том избранного Сэлинджера (1965). Эти закономерности, скорее всего, имеют достаточно простое объяснение: основным источником книг для Ерофеева в 60-е годы были библиотеки, в том числе провинциальные, областные и районные, которые он имел возможность посещать, разъезжая по стране в составе бригады по прокладке телефонного кабеля, — основная работа Ерофеева, красочно описанная им в «Москве — Петушках». Вполне возможно, этим же обстоятельством объясняется и кажущаяся ерофеевская всеядность — весьма вероятно, что некоторые книги, следы чтения которых мы находим в записных книжках, действительно более или менее случайны, это то, что Ерофееву удалось найти в каком-нибудь райцентре, чтобы скоротать вечер.

Тем не менее и в самом выборе книг можно найти определенные закономерности. Большую часть того, что читает Ерофеев в 60-е годы, можно разделить на три группы: 1) русская классика; 2) разного рода исторические сочинения, биографии и мемуары и, наконец, 3) зарубежная литература XX века.

Как и многие его ровесники, Ерофеев с жадностью впитывает любую информацию о том, что происходит в западной культуре, при этом основным источником сведений для него становятся публикации в официальной советской печати, где обо всем, имеющем отношение к литературе модернизма, говорилось в критическом, если не разгромном тоне. Такая идеологическая рамка была необходимым условием для того, чтобы «протогнуть» к публикации политически и эстетически неприемлемых западных авторов, но Ерофеев, как и многие другие достаточно искушенные читатели, умел по крупицам добывать то, что было ему действительно интересно. Впрочем, итоговая картина могла выглядеть достаточно причудливо.

Еще в начале 60-х годов у Ерофеева, по всей видимости, сложилось определенное мировоззрение, которое проще всего описать как систему оппозиций. На одной стороне — на той же, на которой для Ерофеева находилась окружающая его советская действительность в большинстве своих проявлений, — были вера в технологии, науку и прогресс, физическое и душевное здоровье, вообще нормальность во всех ее видах, половое влечение, рационализм и всеобщая унификация. На другой — религия вообще и христианство в первую

¹⁰ К немногим исключениям относятся книги, которые Ерофеев, по всей видимости, читал в дореволюционных изданиях: романы Дмитрия Мережковского «Александр I» и «14 декабря» и оба короба «Опавших листьев» Василия Розанова.

очередь, любого рода исключительность, девиантность, душевное и физическое нездоровье, аскетизм.

В рамках этих оппозиций Ерофеев воспринимал большинство культурных явлений, и этот контекст часто позволяет прояснить то, что иначе могло бы показаться странным. Например, Ерофеев должен был бы скорее отрицательно относиться к Ницше, певцу Заратустры и отчаянному критику христианства. Однако в действительности все было наоборот, и причина в том, что Ерофеев воспринимает Ницше в первую очередь через статью Томаса Манна «Ницше в свете нашего опыта», в которой немецкий философ предстает едва ли не христианским мучеником, личностью трагической, одинокой фигурой, аскетом, со стойкостью выдерживающим невыносимые мучения, которыми сопровождается его болезнь.¹¹ Нечто похожее, по всей видимости, произошло с восприятием Ерофеевым экзистенциализма, который парадоксальным образом был для него едва ли не формой религиозной философии, поскольку именно так, как «иррационально-субъективное» направление и едва ли не главная альтернатива марксизму, он представлен, например, в предисловии к читаемой Ерофеевым переводной немецкой «Философской энциклопедии».¹²

Очевидно, и Кафка должен был восприниматься Ерофеевым в похожем контексте. В статье Бориса Сучкова, открывающей однотомник 1965 года, уже в первой же фразе творчество Кафки характеризуется как «напряженно-болезненное» и порывающее с реалистической традицией; созданная им картина мира названа «неправдоподобной, изломанной, дышащей жутью и безнадежностью», схемой, составленной «из конструкций, весьма удаленных от полнокровной, дышащей земными запахами, вещной, жизни»¹³; говорится, что «концепция человека у Кафки имела декадентский характер»¹⁴, что она «опирается на иррационализм как основу мышления и делает интуицию орудием познания»¹⁵. Все это должно было быть медом для ерофеевских ушей, но ничего подобного, по всей видимости, не произошло — Ерофеев к немецкому писателю остался более или менее равнодушен. Единственное прямое высказывание о прочитанном звучит достаточно неопределенно: «Очень определенное настроение (от чтения Кафки), которое все-таки не надо

11 См. в записных книжках: «У меня ежедневная потребность — изо всех сил реабилитировать в своих глазах Ф[ридриха] Н[ицше]. Умные помогают» (JEROFEJEV, V.: *Zapisnyje knižki 1960-eh godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005, s. 23).

12 Подробнее о восприятии Ерофеевым экзистенциализма см. серию публикаций в Телеграм-канале «Слова и буквы»: <https://t.me/wordsandletters/233>. [online]. [cit. 06.10.2024].

13 КАФКА, F.: *Roman, novelly, pritči*. Moskva: Progress, 1965, s. 12.

14 Ibidem, s. 13.

15 Ibidem, s. 14.

и пытаться выразить. Вот так — ходи и думай, отяжелела ли твоя голова или озарилась».¹⁶

Так в чем же тогда дело? Почему Кафка оставил Ерофеева равнодушным? Возможно, объяснение заключается в еще одной особенности читательского поведения Ерофеева.

Илья Симановский, один из биографов писателя, говоря о читательских привычках Ерофеева, сделал любопытное наблюдение: в записных книжках Ерофеева ни разу не упомянуты братья Стругацкие, авторы, невероятно популярные в 60-е годы и позже, в первую очередь, среди интеллигенции.¹⁷ Не жалуется Ерофеев и других интеллигентских кумиров, но уже скорее 70-х и 80-х годов — Маркеса, Борхеса, Кортасара и других латиноамериканских авторов. Этот список можно продолжать. В известных нам записных книжках нет следов чтения Ерофеевым Германа Гессе — еще одного популярного в Советском Союзе автора. То же самое касается, например, Ильфа и Петрова. Наконец, есть еще одна невероятно популярная в позднесоветские времена книга, с которой «Москву — Петушки» часто сравнивали и знакомство с которой Ерофеев яростно отрицал (сравним приведенные в начале статьи свидетельства об отрицании Ерофеевым чтения «Процесса»): «Я до сих пор не прочел „Мастера и Маргариту“. Дохожу до 38 страницы и не могу, мне невыразимо скучно. И одержимость остальных я мало понимаю».¹⁸

Как и Булгаков, Кафка в 60-е годы автор не советский, модный и труднодоступный. Чтение «Процесса» и «Мастера и Маргариты» — знак принадлежности к особому кругу.¹⁹ И весьма вероятно, что именно это обстоятельство отталкивало Ерофеева от Кафки и, с одной стороны, приводило к тому, что сборник 1965 года Ерофеев читал не слишком внимательно и с некоторым предубеждением,

16 JEROFEJEV, V.: *Zapisnyje knižki 1960-ch godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005, s. 547.

17 См. об этом: BANDUROVSKIJ, K., LEKMANOV, O., MURAV'JEV, A., OJNAS, Je., SIMANOVSKIJ, I., JAMPOL'SKAJA, A.: Čto čital i čto ne čital Venedikt Jerofejev, a takže o scholastike, èkzistencializme i proč. In: LEKMANOV, O., SIMANOVSKIJ, I. (sost.): *Venedikt Jerofejev. Kolonna i ne tol'ko: sbornik statej i publikacij*. Kolonna: izdatel'skaja programma muzeja-rezidencii «Artkommunalka. Jerofejev i Drugije», 2023, s. 275.

18 JEROFEJEV, V.: «Jesli menja prigovorjat k povešeniju...» [Interv'ju I. Tosunjan]. In: JEROFEJEV, V.: *Moj očen' žiznennyj put'*. Moskva: Vagrius, 2008, s. 514.

19 См., кстати, ироничное, пожалуй, даже находящееся в рамках советской сатиры, обозначение статуса Кафки в рассказе Сергея Довлатова «Хочу быть сильным»: «Фрида сказала: — Все мы — люди определенного круга. Я кивнул. — Надеюсь, и вы — человек определенного круга? [...] О чем мы будем говорить? О Джойсе? О Гитлере? О Пшебышевском? О черных терьерах? О структурной лингвистике? О неофрейдизме? О Диззи Гиллеспии? А может быть, о Ясперсе или о Кафке?» (DOVLATOV, S.: *Choču byt' sil'nym*. In: DOVLATOV, S.: *Sobranije sočinenij*. Т. 1. Sankt-Peterburg: Azbuka, 1999, s. 38).

а с другой — заставляло Ерофеева вообще отрицать всякое знакомство с этим автором, а тем более возможное влияние.²⁰

Впрочем, о каком-либо конкретном влиянии и в самом деле говорить трудно. Сходство между финалами «Процесса» и «Москвы — Петушков» носит самый неопределенный характер и вполне укладывается в рамки общей для этих текстов модернистской поэтики. Пожалуй, единственное, что останавливает на себе взгляд, это одна выписка в записной книжке, неточная цитата — только не из «Процесса», и из короткой новеллы «Охотник Гракх»: «Все двери на запоре, на запоре все окна, все по своим постелям, спят, накрывшись с головой одеялом, — кому есть дело до меня?»²¹

Для сравнения приведем точную цитату: «Никто не станет читать то, что я тут пишу, никто не придет меня спасти, а если бы и была поставлена задача спасти меня, все равно двери всех домов оставались бы на запоре, на запоре все окна, все люди лежали бы в постелях, натянув одеяла на головы, вся земля представляла бы собой мирный ночлег. И это было бы правильно, ибо никто обо мне не знает, а знал бы кто обо мне, так не знал бы места, где я нахожусь, а знал бы место, где я нахожусь, так не знал бы, как удержать меня там, не знал бы, как мне помочь».²²

В новелле Кафки герой, охотник из Шварцвальда, погибает, но, по воле случая, не может попасть в страну мертвых и обречен вечно, одновременно и мертвый, и живой, слоняться по морю. В отрывке, который частично выписывает Ерофеев, противопоставлены, с одной стороны, одиночество героя, его безнадежный удел, и, с другой стороны, покой и мирный ночлег остальных людей, скрытых за дверями домов и ставнями окон, людей, которым нет никакого дела до страданий героя. Эта ситуация похожа на ситуацию последних глав «Москвы — Петушков», в которых обреченный герой мечется по пустому ночному городу в надежде хоть на какую-то помощь и не получает ее, — собственно, кажется, именно сама ситуация привлекла внимание Ерофеева и именно ее он, по сути, и цитирует. Любопытно еще, что в записных книжках Ерофеев добавляет от себя одну фразу, которой у Кафки нет: «...кому есть дело до меня?» И почти эта же фраза, причем рядом с упоминанием дома и помощи, которую герой

20 Любопытно, что в том же интервью, в котором Ерофеев говорит, что не читал «Мастера» дальше 38 страницы, он расписывается в ненависти к еще одному кумиру советских 60-х — Эрнесту Хемингуэю, а затем вдруг не только признается в чтении Кафки, но и говорит, что многим ему обязан, — вероятно, к концу 80-х годов Кафка уже стал достаточно немодным (см. JEROFEJEV, V.: «Jesli menja prigorvorjat k povešeniju...» [Interv'ju I. Tosunjan]. In: JEROFEJEV, V.: *Moj očen' žiznennyj put'*. Moskva: Vagrius, 2008, s. 514).

21 JEROFEJEV, V.: *Zapisnye knižki 1960-ch godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005, s. 548.

22 KAFKA, F.: *Roman, novelly, pritči*. Moskva: Progress, 1965, s. 534.

желает получить, но не получает, есть в «Москве — Петушках»: «И кому, кому в мире есть дело до твоего сердца? Кому?.. Вот, войди в любой петушинский дом, у любого порога спроси: „Какое вам дело до моего сердца?“»²³

Конечно, и это сходство может быть случайным совпадением, но, учитывая механику цитирования у Ерофеева вообще, наша гипотеза кажется более правомочной, чем сопоставление финала «Москвы — Петушков» с финалом «Процесса».²⁴ Впрочем, вряд ли это что-то меняет: будучи формально прочитанным в феврале 1967 года, по-настоящему Кафка так и остался Ерофеевым не прочтен.

Библиография:

- AGAPOV, A.: «Sèr, počemu vy kušajete svoich žen?»: o roli citaty u Venedikta Jerofejeva. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2018, № 6 (154), s. 57–69. ISSN 0869-6365.
- BANDUROVSKIJ, K., LEKMANOV, O., MURAV'JEV, A., OJNAS, Je., SIMANOVSKIJ, I., JAMPOL'SKAJA, A.: Čto čital i čto ne čital Venedikt Jerofejev, a takže o scholastike, èkzistencializme i proč. In: LEKMANOV, O., SIMANOVSKIJ, I. (sost.): *Venedikt Jerofejev. Kolomna i ne tol'ko: sbornik statej i publikacij*. Kolomna: izdatel'skaja programma muzeja-rezidencii «Artkommunalka. Jerofejev i Drugije», 2023, s. 263–285. ISBN 978-5-4465-mbox3996-3.
- BERLIN, V.: Venedikt Jerofejev i «Voprosy leninizma». *Novaja gazeta*, 2010, № 118 (22 oktjabrja), s. 5. ISSN 1606-4828.
- BITOV, A.: [Vospominanija o Venedikte Jerofejeve]. In: ALCHAZOVA, M. (red.-sost.): *Pro Veničku*. Moskva: Probel, 2008, s. 283–294. ISBN 978-5-98604-131-5.
- BOGOMOLOV, N.: Venedikt Jerofejev i jeho kommentator. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2006, № 6 (82), s. 445–447. ISSN 0869-6365.
- BROJTMAN, S., PAVLOVA, N.: Final romana Ven. Jerofejeva «Moskva — Petuški» (k probleme: V. Jerofejev i F. Kafka). In: *Analiz odnogo proizvedenija: «Moskva — Petuški» Ven. Jerofejeva*. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001, s. 104–112.
- DOVLATOV, S.: Choču byt' sil'nym. In: DOVLATOV, S.: *Sobranije sočinenij*. T. 1. Sankt-Peterburg: Azbuka, 1999, s. 38. ISBN 978-5-267000314.

23 JEROFEJEV, V.: *Moskva — Petuški i pr.* Moskva: Prometej, 1990, s. 116.

24 Подробнее о том, как работает цитирование у Ерофеева см.: AGAPOV, A.: «Sèr, počemu vy kušajete svoich žen?»: o roli citaty u Venedikta Jerofejeva. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2018, № 6 (154), s. 57–69.

JEROFEJEV, V.: «Jesli menja prigovorjat k povešeniju...» [Interv'ju I. Tosunjan]. In: JEROFEJEV, V.: *Moj očen' žiznennyj put'*. Moskva: Vagrius, 2008, s. 508–518. ISBN 5-9560-0136-4.

JEROFEJEV, V.: *Zapisnyje knižki 1960-ch godov. Pervaja publikacija polnogo teksta*. Moskva: Zacharov, 2005. ISBN 5-8159-0555-0.

JEROFEJEV, V.: *Moskva — Petuški i pr.* Moskva: Prometej, 1990. ISBN 5-7042-0077-x.

KAFKA, F.: *Roman, novelly, pritči*. Moskva: Progress, 1965.

<https://t.me/wordsandletters/206>. [online]. [cit. 06.10.2024].

<https://t.me/wordsandletters/233>. [online]. [cit. 06.10.2024].

About the author

Alexander Agapov

independent researcher, Brno, Czechia

neagapov@gmail.com

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.